

СТИХИ, ПРОЗА, СТАТЬИ,
ЗАПИСНАЯ КНИЖКА,
ПИСЬМА, ДНЕВНИК

Редакция текста
Н. Степанова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

№ 232

*Отпечатано для Издательства Писателей
в Ленинграде в количестве 3500 экз.—11³/₄ л.
2-й типогр. им. Лоханкова. Ул. Правды, 15.
Зак. № 857. Ленинградский Горлит № 1 142.
Рисунок переплета и суперобложка худ.
М. Кирнарского. Сдано в набор 7/XII 1931 г.
Подписано к печати 3/II 1933 г. Формат
82 × 110. Порядковый № 19. Типографских
знаков в листе 54 912. Бум. лист. 6.
Ответственный редактор В. Саянов.
Технический редактор Д. Бабкин.
1933*

СТИХОТВОРЕНИЯ

Л. Г.

А я
Из вздохов дань
Сплетаю
В Духов день.
Береза склонялась к соседу,
Как воздух зеленый и росный.
Когда вы бродили по саду,
Вы были смелы и прекрасны.
Как будто увядает день его,
Береза шуметь не могла.
И вы ученица Тургенева!
И алое пламя повязки узла!
Может быть завтра
Мне гордость
Сиянье сверкающих гор даст.
Может, я сам,
К 7 небесам
Многих недель проводник,
Ваш разум окутаю
Как строгий ледник,
И снежными глазами
В зеленые ручьи
Парчой спадая гнутою,
Что все мы — ничьи,
Плещем у ног
Тканей низами.
Горной тропою поеду я,
Вас проповедуя.

Что звезды и солнце — все позже устроится.
А вы, вы — девушка в день Троицы.
Там буду скитаться годы и годы.
С коз
Буду писать сказ
О прелестях горной свободы.
Их дикое вымя
Сосет пастушонок.
Где грозы скитаются мимо,
В лужайках зеленых,
Где облако мальчик теребит,
А облако — лебедь,
Усталый устами.
А ветер,
Он вытер
Рыданье утеса
И падает светел
Выше откоса.
Ветер утих. И утих.
Вечер утех
У тех смелых берез,
С милой смолой,
Где вечер в очах
Серебряных слез.
И дерево чар серебряных слов.
Нет, это не горы!
Думаю, ежели к небу камень теснится,
А пропасти пеной зеленою моются,
Это твои в день Троицы
Шелковые взоры.
Где тропинкой шелковой,
Помните, я шел к вам,

Шелковые ресницы!
Это
Тонок
И звонок
Играет в свирель
Пастушонок.
Чтоб кашу сварить.
Пламя горит,
А в омуте синем
Листья кувшинок.

<1907-8>

Слоны бились бивнями так,
Что казались белым камнем
Под рукой художника.
Олени заплетались рогами так,
Что, казалось, их соединял старинный брак
С взаимными увлечениями и взаимной неверностью
Реки вливались в море так,
Что казалось: рука одного душит шею другого

<1910 - 1>

«НЕВОЛЬНИЧИЙ БЕРЕГ»

Невольничий берег,
Продажа рабов
Из теплых морей,
Таких синих, что болят глаза, надолго
Перешел в новое место:
В былую столицу белых царей,
Под кружевом белым
Вьюги, такой белой,
Как нож, сослепа воткнутый кем-то в глаза.
Зычно продавались рабы
Полей России.
„Белая кожа! Белая кожа!
Белый бык!“ —
Кричали торговцы.
И в каждую хату, проворнее вора,
Был воткнут клинок
Набора...
Пришли. Смотрят глупо, как овцы,
Бьют и колотят множеством ног.
А ведь каждый, у мамыньки где-то, какой-то,
Любимый, дражайший сынок.
Матери России, седые матери,
— Войте!
Продаватели
Смотрят им в зубы,
Меряют грудь,
Щупают мышцы,
Тугую икру.

— „Повернись, друг!“
Врачебный смотр.
Хлопают по плечу:
„Хороший, добрый скот!“
Бодро пойдет на „уру!“
Стадом волов
Пойдет на пролом,
Множеством пьяных голов
Сомнет и снесет на плечах
Колья колючей изгороди,
И железным колом,
С размаха чужой
Натыкая живот,
Будет работать,
Как дикий скот
Буйным рогом.
Шагайте с богом! —
Прощальное баево.
Видишь: ясные глаза его
Смотрят с белых знамен.
Тот, кому вы верите...
„Бегаёт, как жеребец. Рысь! Сила!
Что, в деревне, чай, осталась кобыла?
Экая силища! Какая сила!
Ну, наклонись!“
Он стоит на холодине наг,
Раб белый и голый.
— Деревня!
В одежды визга рядись!
Ветер плачевный
Гонит снега стада
На молодые года.